

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. об этом в романе Пришвина „Кащеява цель“ (глава „Маленький Каин“).
- ² М. П р и ш в и н. Собр. соч. в 6 томах, т. 4. М., «Худож. литература», 1957, с. 10. Пришвин истолковал это блоковское «еще что-то» как постоянное наличие в его очерках «родственного внимания» к материалу, позволяющему выявлять «лицо самой жизни», ее правду.
- ³ «Письма к родным», I, с. 236.
- ⁴ М. П р и ш в и н. Астраль (к процессу Охтинской «богородицы»).— «Заветы», 1914, апрель, с. 79—80.
- ⁵ 11 мая 1918 г. Блок отметил в записной книжке: «Поразительное известие от Разумника Васильевича (вчерашний номер «Дела народа») — отказ Пяста и Ахматовой от меня. Со-логуб тоже» (ЗК, 406). Блок имел в виду сообщение в газете «Дело народа» (по словам Р. В. Иванова-Разумника), что 13 мая названные поэты должны были выступать на вечере литературного кружка «Арзамас», но, узнав, что в программе вечера стоит чтение женой Блока поэмы «Двенадцать», от участия отказались.
- ⁶ Д. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. М., 1939, с. 87.
- ⁷ М. Цветаева. Избр. произв. Л., 1965, с. 102.
- ⁸ «Красные призраки» — название статьи Г. Чулкова.— «Народоправство», М., 1918, № 23—24.
- ⁹ М. П р и ш в и н. Большевик из «Балаганчика» (ответ Александру Блоку).— Газ. «Воля страны», ПГ., 3/16 февраля 1918 г.
- ¹⁰ Напомним запись Блока в «Дневнике» от 6 декабря 1919 г., ценнейшую для понимания поэтом революции. Дворянин по происхождению, интеллигент по духу и по профессии, Блок, размышляя о разгроме Шахматова, вспоминал, что в молодости «любил погарцевать по убогой деревеньке на красивой лошади (<...> спросить дорогу, которую знал и без того, у бедного мужика, чтобы пофорсить, или у смазливой бабенки, чтобы нам блеснуть друг другу мимолетно белыми зубами». Блок как бы читает про себя мысли бедноты, которая знала, что молодой барин и его невеста «оба господа. А господам — приятны они или нет — постой, погоди уютно покажем. И показали. И показывают». Личный опыт помог Блоку понять непреодолимый антагонизм между деревней и барской усадьбой и осознать революцию как неизбежное и справедливое историческое возмездие. И даже после недоразумения с печатанием поэмы «Двенадцать» в типографии Государственного издательства, когда чьи-то руки по недоверию к бывшему барину стали выкидывать из станка его книгу («как же, мол, гарцевал барин, гулял барин, а теперь за нас? Ой, за нас ли барин?»), Блок пишет «не смею я судить» (VII, с. 353—354).
- ¹¹ См. прим. 10.
- ¹² См. прим. 10.
- ¹³ Poleмическое использование Пришвиным заглавия пьесы Блока «Балаганчик» имело своих предшественников: В. В. Розанов, обидевшись на Блока за его резкую критику заседаний Религиозно-философского общества в статье «Литературные итоги 1907 года», выступил под псевдонимом В. Варварин с ответным фельетоном под названием «Автор „Балаганчика“ о петербургских религиозно-философских собраниях» («Русское слово», 1908, 25 января). Д. С. Мережковский назвал свой ответ на статью Блока «О современном состоянии русского символизма» «Балаган и трагедия» («Русское слово», 1910, 17 сентября).
- ¹⁴ См. альманах «Феникс» I, М., 1922, с. 177—178.
- ¹⁵ «Контекст. 1974», с. 326.
- ¹⁶ М. М. П р и ш в и н. Собр. соч., т. 4, с. 323.
- ¹⁷ «Контекст. 1974», с. 353.

ПИСЬМО БЛОКА ПРИШВИНУ

Публикация | В. Д. Пришвиной |

(Петроград) 16 февраля 1918 г.

Михаил Михайлович, сегодня я прочел Вашу статью в «Воле Страны». Долго мы с Вами были в одном литературном лагере, но ни один журнальный враг, злейший, даже Буренин, не сумел подобрать такого количества личной брани. Оставалось Вам еще намекнуть, как когда-то делал Розанов, на семейные обстоятельства.

Я на это не обижаюсь, но уж очень все это — мимо цели: статья личная и злая против статьи величистой и доброй.

По существу спорить не буду, я на правду Вашу (Пришвина, а не «Воли Страны») не нападаю; но у нас — слишком разные языки.

Неправда у Вас — «любимый поэт». Как это может быть, когда тут же рядом «балаганчик» употребляется в ругательном значении, как искони употребляет это слово всякий журналист? Вы же не знаете того, что за «балаганчиком», откуда он; не знаете, значит, и того, что за остальными стихами, и того, какую я люблю Россию, и т. д. Я не менялся, верен себе и своей любви, также — и в фельетоне, который Вам так ненавистен. Значит, надо сказать — не «любимый поэт», а «самый ненавистный поэт».

Александр Блок

Р. С. Будьте любезны, передайте в газету прилагаемую записку.

В архиве Пришвина сохранилась рукопись ответного письма, вероятно, не посланного Блоку (среди писем корреспондентов Блока этого письма нет).

Обращаясь к Блоку, Пришвин писал: «Александр Александрович, — мой ответ [на Вашу статью в «Зна(мя) Тр(уда)»] был не злой [как Вы пишете], а кроткий. [Именно только любимому человеку можно так написать, как я] Если бы автор не был Блок, я написал бы, что он получает *ворованные* деньги, что земгусар ничего не делал на войне, а пьянствовал в тылу, что он ходит почему-то до сих пор в военной форме и еще [много] много всего. [И это надо бы все написать, потому что Вы это заслужили] О [Ваших] семейных отношениях земгусара я не мог бы ничего написать, потому что я этим не интересуюсь, все наши общие знакомые и друзья подтвердят Вам, что я для этого не имею глаза и уха, и если что вижу и слышу, забываю немедленно.

Лев Толстой говорит, что писать нужно о том, что знаешь. Вы не знали, о чем Вы пишете, и в этом Ваш грех». И далее: «Сотую часть не передал я в своей статье того негодования, которое вызвала Ваша статья у Мережковского, у Гишпиус, у Ремизова, у Пяста. Прежде, чем сдать свой ответ [Вам] в типографию, я прочел его Ремизову и он сказал: «ответ кроткий».

Да, я русский, кроткий, незлобивый человек, но я, кажется, теперь подхожу к последней черте и молюсь по-новому: Боже, дай мне все понять, ничего не забыть и ничего не простить.

Еще напослед вот что: Вам больно от меня и мне больно от Вас, так больно, что я и не знаю, где Вы лично, и где я лично — я к Вам, как к себе, а не то что Буренин к Вашему Балаганчику».

В заключение Пришвин пишет: «Я не торжествующий<...>Вас понять могу».

(Частично тексты письма Блока и Пришвина напечатаны в книге: В. П р и ш в и н а. Путь к Слову. М., «Мол. гвардия», 1984, с. 182—183).

БЛОК В ДНЕВНИКЕ ПРИШВИНА И НОВОНАЙДЕННОЕ ПИСЬМО БЛОКА ПРИШВИНУ

Публикация В. В. Круглеевской и Л. А. Рязановой

Валерия Дмитриевна Пришвина (1899—1979) — спутник жизни, хранитель литературного наследия и исследователь творчества писателя, подводя итог своей почти двадцатипятилетней работы, выделила несколько центральных, по ее мнению, тем, которые были особенно важны для Пришвина. В их числе — тема «Блок и Пришвин».

В 70-е годы она подготовила к печати работу о взаимоотношениях Пришвина с писателями символистского круга (по материалам его архива). Во вступлении В. Д. Пришвина писала, что первоначально работа «была ограничена темой отношений Пришвина к Блоку и влияния Блока на личность и творчество писателя. В процессе работы материалы вышли за пределы поставленной вначале темы и превратились в широкое размышление Пришвина о времени символизма. Так случилось потому, что стало необходимым показать отношение Пришвина к самой среде, в которой жили оба писателя. По записям Пришвина мы убедимся, что в оценке этой среды Пришвин и Блок были очень близки».

Представленный ниже материал является частью этой работы. Из записей Пришвина о Блоке публикуются наиболее значительные.